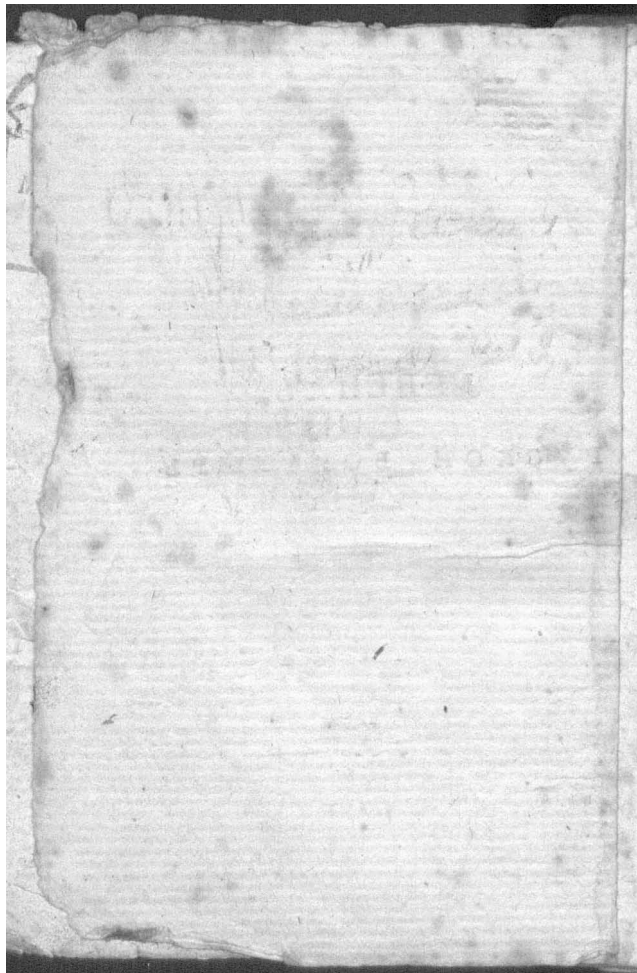

ЛЕВСИЛЪ,
РУСКОЙ БОГАТЫРЬ.

ЛЕВСИЛЪ,
РУСКОЙ БОГАТЫРЬ.

С. Андреева.

Ахъ! не все намъ рѣки слезныя
Лишь о бѣдствіяхъ сущесивенныхъ!
На минуцу позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Карамзинъ.

Вторымъ тисненіемъ.

Санктпетербургъ.

Въ Императорской Типографіи.

1808 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.

Я люю Героя древности
На свирелоткѣ калиновой,
Мнѣ врусила, кою милая
Изъ своихъ бѣло-лушистыхъ
рукъ.

Пиндъ мой будетъ — бережокъ
крутой;

Ипокреной — рѣзка тистая;
Лавры — похвала Плѣнирина;
А наградой — нѣжный взоръ ея.
Ты-жь лѣвецъ насала красныхъ
дней,
Дней весеннихъ, дней ликую-
щихъ,

О любезной жаворонокѣ!

Пой подъ тонѣ моей свирѣлки;

Пой чудесны прикляченія,

Мнѣ вдохнутыя не Музою,

А рассказанныя Нянюшкой,

Простосердою старушкою.

Можно-ль, можно ли забыть

мнѣ то:

Какъ бывало въ дни ребячества,

Въ дни любезныя невинности;

Какъ бывало я отъ дѣтскихъ

игръ,

Отъ коньковъ, или отъ санокъ,

Возвращался въ зимни сумерки!

Тутъ я, снѣгомъ весь завѣянной,

Торолился въ теллу горѣнку;

И съ любезною старушкою,
Къ огонѣтку присусѣдился,
Розговорами, разказами,
Прогонялъ съ ней время скучное.
Тутъ ея пріятыи сказочки
О Бовѣ, Чурилѣ, Муромцѣ
И о протихѣ Рускихъ Витязяхъ,
Такъ играли въ головѣ моей,
Что я часто, видѣ себя пришедъ,
Зрѣлъ себя подѣ шлемомъ, броней,
И, забывшись, когергу хваталъ,
Потряся важно оною,
Какъ Ахиллѣ копьемъ подѣ
Троею —
И клялся съ неустрашимостію
Поразить всѣхъ злыхъ волшебни-
ковъ.

Я изъ сихъ-то древнихъ по-
вѣстей
Здѣсь намѣренъ разсказать
одну,
Вамъ, любезные Читатели!

С. Андреевъ.

Не грозная шуча, темная
Подымалася съ полунощи:
Не она остановилася
Надъ дремучимъ лѣсомъ съ громами:
То былъ Вишнякъ въ бронѣ княжеской.
Онъ, задумавшись и пасмуренъ,
На могучемъ ворономъ конѣ,
Пробѣгаетъ лѣса Муромски,
Лѣса темны, непроходные —
„Ахъ! куда меня судьба ведетъ?“,
Такъ промолвилъ — и горячая
Покапилась по лицу его —
Разъ вздохнулъ еще, и видитъ онъ
Сквозь шуманы вѣпху хижинку.
Вишнякъ правитъ къ ней решиваго
И желаетъ себѣ ошдыхъ дань.

Вдугъ избушка повергнулася,
 По разсказамъ нашихъ нянюшекъ
 Къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ)
 Но еще того проворнѣе
 Отверяется со скрипомъ дверь.
 Между шѣмъ, какъ съ пеплей сы-
 плется
 (Моженъ вѣками скопленная)
 Ёдка ржавчина — Ужь Вишязь нашъ
 Съ Ягой-Бабою (*) бесѣдуешъ.

*) Наша мифологія изображаетъ Ягу-
 Бабу какою-то страшною боги-
 нею: Г. Поповъ догадками даетъ
 ей должность Беллоны. Какъ бы
 то ни было, — сдѣлаемся Аполо-
 гистами древнихъ нашихъ ска-
 зокъ, оправдаемъ мать старину
 пашу, и превозгласимъ Ягу-Бабу

„Фу! фу! фу! (*), — она промолвила:
„Я живу здѣсь многи сонни лѣтъ,

доброю. Какъ же се къ тому на-
строить? Читайше Гомера. Вы
увидите его боговъ со спраشيا-
ми. Для чего же бы и нашей бо-
гини не предашься, положимъ,
Честолюбію, ибо Марсовой возницѣ
сія спрасъ, кажешся, *наруку*?
Предавшись сей спраси, она
предъускоряешъ другое божество,
и выигрываетъ случай — одол-
жишь. Затѣмъ ей Герой соорудитъ
жертвенникъ, какъ-то послѣ
увидимъ.

(*) Это восклицаніе можно бы уничпо-
жить; но оно какъ-бы сопричасно
Ягой-Бабѣ. Такъ по восклицанію:
Эоо! Эоо! древніе узнавали при-
сутствіе Вакханокъ.

„Но ни кто не нарушалъ мой сонъ!

„Нынѣ Рускимъ, дерзкимъ Випя-
земъ,

„Его бронею гремящею,

„Я разбужена нечаянно!

„Ну! Левсилъ Всеславичъ, (*) ра-
дуйся!

„Подъ щасливой пы звѣздой ро-
жденъ;

„А не то, ни кто-бъ не спасъ тебя:

„Поразила-бъ тебя эшою!“ —

Тутъ угрюмы взоры кинула
На огромный *кѣствъ*, что въ спунѣ
былъ.

Узнаетъ Князь, съ кѣмъ онъ рѣчь
ведетъ.

(*) Такъ имя сего спранствующаго
Вишазя.

О могущая Яга-Баба!

Извини меня въ той дерзости,
 Чшо безъ спросу я вошелъ къ тебѣ,
 И нарушилъ швой пріятной сонъ;
 Наслаждалась коимъ сонни лѣпшъ...
 На шакое извиненіе

Яга держишъ слово ласково:

„Дѣло сдѣлано — конецъ ему.“

„Но скажи мнѣ, милостивый Князь —

„Ибо мнѣ швой образъ нравился,

„А еще пріятный голосъ швой —

„Ты скажи мнѣ, что шы волею

„Держишь пушь свой, аль неволею?,

Ахъ! не сполько-шо неволею,

Сколько собспвенной охошою. . . ,

Но послушай меня, бабушка!

Я уснулъ, не спалъ — и голоденъ;

Я не въ силахъ рассказать тебѣ,

Какъ , куда , зачѣмъ я спранспвую.

„Знаю , знаю , милой Випязь мой!

Ѣсть и пить уже поставлено ;

Баня для тебя испоплена ;

А пуховая , лебѣжая

Успокойшъ швой шрежъ - дневной

сонъ (*), —

Съ сею рѣчью проситъ Випязя ,

Чшобъ садился за дубовой столъ ,

И чшобъ ѣлъ и цилъ онъ вволюшку .

Випязь сѣлъ безъ церемоніи ;

Взялъ онъ чару богашырскую ,

И , за здравіе козяюшки ,

Опроспалъ её до капельки .

Но зачѣмъ такой подробностью

(*) Богашырской сонъ продолжался по шри дни .

Распложашъ повѣспивованіе.

Мы послушаемъ, что Виплязь нашъ,
По прехъ-дневномъ богатырскомъ
снѣ,

Спанетъ бабушкѣ рассказывать.

*

Тамъ, гдѣ капище чудесное
Свѣшовиду (*) въ честь воздвигнуто,
Я изъ той страны пороюю.

Дѣдъ мой съ юныхъ лѣтъ соупи-
никъ былъ

Александра Македонскаго.

Онъ прошелъ съ нимъ весь подлун-
ный шаръ;

Онъ дѣлилъ съ нимъ лавры виплязей,
И, осыпанъ дружбой, славою —

(*) Свѣшовидъ по же былъ у Славенъ,
что у Римлянъ Аполлонъ.

Возвратился въ свою родину

Съ своей вѣрною дружиною.

Онъ - то былъ соорудителемъ

Града славнаго и капища ,

Въ имя бога лучезарнаго.

Но мы смертны ограничены:

Уже сошый наспуаецъ годъ,

Какъ мой дѣдъ лежитъ въ сырой

землѣ —

И, увы! богиня мощная!

Можетъ быть ужъ и родитель мой —

Престарѣлый Князь, другъ поддан-

ныхъ, —

Ахъ! онъ, можетъ быть, въ сей

самый часъ

Шлетъ послѣдній вздохъ въ ту

спорону,

Гдѣ несчастный сынъ скишается!

Можешъ, овъ шеперь шерзается,
 Чшо послалъ меня въ шоль дальшой
 пупь,

За диковинкой незбышочной,
 За злашымъ, безсмершнымъ ябло-
 комъ,

стагость ебгоностъ прегуацаюкимъ!...

„Не кручинься мое дияшко!,,

Подхвашила рѣчь Яга-Баба:

Увѣряю, шебя, милый Князь,

Чшо ѣзда швоя не шщепная;

Ибо, чшо шы мнѣ не сказывалъ,

Я все слушала знакомое;

Чшо пошомъ шы говоритъ хо-
 шѣль,

И о шомъ я шакже вѣдаю —

Чшо еще случишся впредь съ шобой,

То не скрышо опъ очей моихъ —

Вспомни мащерей, сиротъ, вдовицъ,
 Какъ побой онъ надѣюся,
 Твоего опца и ихъ опца,
 Сохранишь опъ жала смершнаго
 Моложавымъ, злапымъ яблокомъ.
 Между шѣмъ, какъ изумленный Князь,
 Внемлемъ рѣчь Ягой все знающей,
 И споишь предъ нею спопочкой;
 Между шѣмъ она краснымъ красно,
 И со всякою подробностью,
 Описала дивы дивныя,
 Разказала чуды чудныя,
 Кои въ области на о дѣшя
 Царь - Дѣвицы цѣломудренной.
 А потомъ она склонила рѣчь
 О стѣнѣ той чудодѣйственной,
 Высоты преудивительной,
 Со спрунами, позвонушками,

Кой китро такъ устроены,
 Что, при маломъ косновеніи,
 Вмигъ механика подѣйствуешь:
 Заиграють струны звучныя,
 Зазвоняють колокола въ набатъ —
 Симъ разбудяшся львы люпыя —
 Тигры, барсы спрашно вышь нач-
 нушь,
 И распоряють пасть къ пожранію,
 Скрежеща зубами алчными.
 Тушь, не видѣвъ, за спѣной что
 есть —
 Погибаетъ дерзкой съ замысломъ.
 Но, пошомъ, его волшебница
 Увѣряетъ, будто конь ея,
 На кошоромъ Вишязь пустился,
 Безъ пруда чрезъ стѣну маха дастъ:
 Прямо къ шерему высокому

О двѣнадцати свѣтлочкахъ:
 Гдѣ Царевна со подружками,
 Со двѣнадцатью дѣвицами,
 Обиная въ тишинѣ драгой,
 Дни проводятъ въ рукодѣліи —
 Ткутъ и шьютъ онѣ шириночки,
 Шелкомъ, золопомъ и жемчугомъ.
 Всѣ спашны онѣ, какъ павушки;
 Красоты преудивительной,
 Натуральной, не искусственной:
 Черны брови не сурмлены;
 Щеки алы, не подкрашены;
 Русы кудри имѣ Природа вѣстѣ;
 А прикрасы доспавляюся
 Не изъ пышныхъ храмовъ роскоши —
 Но изъ саду благовонный цвѣтѣ.
 Моду чшутъ онѣ чудовищемъ,

То для нихъ Хамелеонъ (*) другой...
 Нѣшъ, не губяшъ онъ времени
 На пусшыя эши зданія,
 Кои, милыя красавицы,
 Спроятъ слишкомъ половину дня,
 Чѣобы послѣ исковеркашъ ихъ,
 Менѣй, нежели въ минуточку —
 Но я, Князь, заговорила!
 Тебѣ время въ нушь оправишься:
 Уже полночь — время сручное
 Къ похищенью злыхъ яблоковъ.
 Теперь Царь - Дѣвица въ крѣпкомъ
 снѣ.
 Ты вслуши въ ея высокъ шеремъ,

(*) Хамелеонъ, звѣрь, принимающій
 цвѣтъ всякаго предстоящаго ему
 предмета.

А потомъ, изъ черной мглы его
 Ръзвой конь сверкнулъ какъ молнія,
 И предсталъ съ игрой предъ Випя-
 земь:

Отъ чего злая грива, хвостъ,
 Развѣваясь, отражали цвѣтъ,
 Превосходнѣй, нежели радужный —
 Конь явился передъ Випяземъ
 И осѣдланной и взнузданной.

Будь покоренъ сему Випязю!

Такъ коню велитъ Яга - Баба —

А потомъ къ нему склоняетъ рѣчь:

Сядь на добраго и въ путь спупай —

Ты не правь моей лошадкою —

Она знаетъ географію:

Лишь назначь куда — и будешь
 шамъ —

Но спрегись, мой Князь! во спроч-
 спвн,

Ахъ! спрегись ты спрассти пагубной!
 Непорочность изъ огня спасешъ,
 А свирепый океанъ шебя
 Не поглотитъ съ непорочностью. —
 Ты прошелъ лѣса дремучіе;
 Ты минулъ пѣски сыпучіе;
 Превозмогъ ты шрудность горъ кру-
 шыхъ;
 Побѣдилъ въ своемъ ты спранспви,
 И полкановъ, и амѣй огненныхъ,
 И русалокъ, усыпляющихъ
 Своимъ сладкимъ, вреднымъ пѣніемъ.
 Но ничто сіе въ сравненіи
 Съ красотою безподобною,
 Съ красотою восхишительной
 Царь-Дѣвицы, обладающей
 Верхоградомъ, гдѣ плоды растутъ
 Моложавые, блестящіе.

Побѣди ты красому сію:
 Равнодушіе спасетъ тебя —
 Больше мнѣ сказать неведѣно.
 Конь гошовѣ тебѣ вездѣ служить.
 Не забудь же, Князь, ты словѣ
 моихъ! —

А не по Тупѣ на языкѣ ея
 Наложила сила нѣкая
 Узы, свыше волхвованія.
 Князь не смѣетъ спросить ее,
 И покорствуя движенію,
 Какъ сдѣлала Яга-Баба
 Поклонился, сѣлъ — и конь его,
 Черной ночи разсѣкая мракѣ,
 Мчитъ спремительно какъ бурный
 вѣтрѣ.
 Не успѣлъ онъ оглянуться назадъ,
 Уже чрезъ шридевяшь земель мах-
 нулъ.

Остаётся еще времени,
 Какъ для молніи съ небесъ сверк-
 нушь ;

Остаётся сполько времени
 Чшобы Князю махъ чрезъ стѣну
 дашь.

Уже онъ пеперь у перема,
 Сшойтѣ шолько на крыльцо всту-
 пушь ,

Освѣщенное лампадами.

Тутъ повсюдное безмолвіе

Дало знашь, что всѣ въ глубокомъ снѣ

Наслаждались безопасностью,

И не думали, чшобъ гѣшь какой,

Черезъ стѣну чудодѣйственну

Ночью поздно такъ пожаловалъ

Ощипашъ зашпыя яблоки.

Обуздаемъ мы фантазію!

И не пустимся въ подробности.
 Мы не спанемъ съ Богдановичемъ
 Красоту чертогъ описывать.
 Только скажемъ, что у *Душеньки*
 Все во вкусъ было Греческомъ
 Все дышало лишь Зефирами —
 Царь-Дѣвицы - жь была родина,
 И всегдашне пребываніе
 На холодной странѣ сѣверной —
 Тамъ Зефиры дули временно;
 Тамъ большею частію холодно —
 По климату - жь, и высокъ перемъ
 Былъ украшенъ штофомъ, бархатомъ,
 И мѣхами соболиными —
 Но главнѣйшимъ украшеніемъ
 Красота была жозяюшки,

Всѣ нещептныя сокровища
 Запмѣвались, ништожились
 Предъ любезнымъ, крошкимъ обра-
 зомъ.

Къ ней-то Вишнякъ приближается,
 Къ ней, когда она покоилась,
 На багисшовыхъ подушечкахъ.
 Не взирая, что свѣпильники,
 Обгорѣвъ, бросали пусклый свѣтъ,
 Рыцарь видитъ очень явспвенно
 Видитъ больше — нежели надоб-
 но —

Видитъ двухъ любезныхъ, дрѣмлю-
 щихъ

Въ бровѣ, съ копьями алмазными :

Это гвардія Царевнина,

Это были изъ двѣнадцати

Двѣ подружки на часахъ своихъ . . .

Но куда, Левсилъ, пы мечешъ
взоръ,

Онъ блеспитъ подобно молнии,
Отъ красавицы къ красавицѣ —
И, минуша спраспи пламенной!

Успремляются глаза его
Неподвижно на прелестную
Царь - Дѣвицу цѣломудренну.
Ахъ! что Князь тогда почувство-
валъ,

Видя спящую красавицу!
Онъ стоялъ предъ ней какъ вко-
паной,

И не смѣлъ переводить свой духъ,
Не лишишься, чтобы щастіа
Видѣть прелести небесныя!

Ея тихое дыханіе,
Ея грудь, бѣлая мрамора;

Ея волосы раскиданны
 По подушкѣ въ небреженіи :
 Все, все это сердце Вишязя,
 Размягчаетъ такъ какъ ярой воскъ.
 Тупъ прелестная, во сладкомъ снѣ,
 (Будто гостя шѣмъ привѣщивуя)
 Улыбнулась той улыбкою,
 Коей мать Природа дивная
 Одарила и украсила
 Милыхъ Грацій, спутницъ Лади-
 ныхъ —

Улыбнулась — и явились
 На ланицахъ ея розовыхъ
 Тѣ прелестныя двѣ впадинки,
 Коихъ шѣнь, полна любезностей,
 Поражаютъ очи Вишязя.
 Онъ, забывшись, вскричалъ хощѣлъ:
 „Не съ богами ли бесѣдуешь,

„О красавица прелестная!
 И, въ волненіи мыслей своихъ,
 Покушался было броситься
 Весь излишь свой пламень на руку,
 (Какъ съ намѣреніемъ свѣщенну)
 Дабы, съ нѣжными воспоргами,
 Вѣчно, вѣчно лобызашь ее —
 Но, опомнившись, онъ думаетъ:
 Ахъ! зашѣмъ ли ны пришелъ сюда?
 О могущая Яга-Баба!
 Я во всемъ щербѣ покорствую!
 И, взглянувъ еще разъ съ робостью
 На прекрасну спражу дремлющу,
 Видишь случай къ похищенію —
 Ошкрываетъ онъ шкапулочку;
 Вынимаетъ драгоценной ключъ;
 Но не можетъ удалиться съ шѣмъ,
 Чтобъ еще не кинулъ нѣжный взоръ

Сребро-вѣшвѣнную яблоню,
На кошорой, даже вѣ саму ночь,
Плодъ чудесной и невиданной,
Какъ злашые будпо шарикн
Предъ лучемъ горѣли солнечнымъ.
Князь подшелъ къ нимъ съ хладно-
кровоіемъ,
(Ибо онъ пылалъ другимъ огнемъ).
Но съ поднашіемъ руки своей,
Дабы сняшь злашое яблоко,
Вдругъ восторгъ благоговѣнія
Пролился струей вѣ душъ его.
Съ преклоненными коленами
Устремляетъ неподвижно взоръ
На небесный сводъ лазоревый:
Туть слеза благодаренія,
На любезныхъ голубыхъ глазахъ,
Зашряслась, блеснула, канула.

О богиня! мира, щаспія!
 Лада, Лада (*)! райскихъ прелестей!
 Прими отъ сердца чистаго
 Жершву, смершнымъ приносимую:
 Моложаво злашо яблоко —
 Ибо плодъ сей посвященъ тебѣ,
 Онъ достоинъ лишь одной тебя,
 Вѣчно-юная владычица! —
 Симъ мольба его окончилась.
 И во всѣмъ сославъ Вишязя
 Легкостъ иѣкая явилася.
 Онъ срываетъ молодежавое,
 И возноситъ съ ослабленіемъ
 Ладъ юной въ приношеніе.
 Тутъ, невидимую силою,

*) Лада по же, что Венера.

„Сполько грабымъ, споль бессо-
вѣспнымъ,
„Чтобъ уѣхать съ эшимъ ключи-
комъ?

„Положу его по прежнему:

„Пусть красавица невѣдаетъ,

„Былъ ли хищникъ въ ея перемъ;

„Пусть не знаетъ и не сердится.„

Но не по на сердцѣ Випязя;

Его цѣлю, хоть бы разъ еще,

Видѣшь милой образъ въ сладкомъ
снѣ.

Съ симъ пускается онъ изъ саду.

Такъ пернатый жипель Кавказа

Разсѣкаетъ воздухъ - крыльями,

Устремяся за добычею..

Между тѣмъ богиня прелестней,
 Къ Царь-Дѣвицѣ мщеніемъ дышаща,
 Призываетъ къ себѣ *бога сна*: (*)
 О мой милый! говоришь ему;
 Ты удачливъ въ исполненіи
 Предпріяшыхъ мной намѣреній —
 Ты лѣши къ Царевнѣ дерзостной,
 Погрузи ея съ подружками
 Въ сладко-томное забвеніе.
 Не жалѣй цвѣшовъ пы маковыхъ:
 Щедро, щедро на постель бросай
 Царь-Дѣвицы горделивыя —
 Впрочемъ мнѣ оспавъ, мнѣ я
ее!!!

Рѣчь окончилась угрозою;

(*) Богъ сна у Славенъ назывался Кикимора.

Подтвердилася зовоюю,
 И шакою попягошою,
 Чшо богиня засмѣялася,
 И сказала ему шушками;
Доброй шуть, но не засни, смотри!

*

Ужь Заря, въ одеждахъ розовыхъ,
 Отворить враша готовилась
 Богу свѣща лучезарнаго;
 Уже пшички гимны шредили
 Въ честь богини ушра краснаго;
 Ужь любимцы шрудолубія
 Осшавляли свои хижины,
 И, при сельскихъ упражненіяхъ,
 Наслаждались свѣжимъ воздухомъ.
 Всюду видѣлась дѣшельность;
 Только Царь-Дѣвица въ крѣпкомъ свѣ-

Пробудись, Царевна милая!
 Пробудись — ты никогда еще
 Не шеряла часовъ упреннихъ!
 Нѣтъ, она не пробуждается;
 Знашь по милости безсмертныя (*)
сонный богъ теперь пожаловалъ.
 О! властитель грезъ незбыточ-
 ныхъ!

Лучше, естли бы порою сей —
 Чшо всегда тебѣ способствуемъ —
 Лучше, естли бы ты влась свою
 Проспиралъ лишъ надъ ленивыми,
 И искателями щаспїя
На листоккахъ съ уголокками.
 Но зачѣмъ ты появился здѣсь?
 И зачѣмъ очарованїемъ

(*) То естъ Лады.

Теремъ держишь вѣшь пошь глубокошь
снѣ?

Спятъ всѣ — Вишязь пошько бодр-
ствуетъ.

Онѣ у спражи видятъ подлѣ ногъ

Золотые шлемы съ перьями

И алмазны конья спрашны —

Мудрено-ль обезоружитъ ихъ? —

Видятъ волосы прекрасные,

По плечамъ ихъ распущенные. . . .

Но онѣ видятъ сердцу милое:

Царь-Дѣвицу цѣломудренну!

И исчезло всё спороннее,

Какъ прекрасно, восхитительно!

Какъ помышя всё предѣ Вишя-
земъ —

Даже складочка послѣдняя

Вся, вся дышетъ пошько Ладю!

Будь смѣла! — ошзывается

Шепотъ, слышимый не задолго;
 И за онымъ разливается
 Дрожь во членахъ съ препетаніемъ.
 Князь примѣшилъ руку бѣлую,
 Томно брошенну по близости
 Имъ опкрытыя шкапулочки —
 Онъ съ смущеніемъ приблизился,
 И, влагая ключъ въ шкапулочку,
 Не сперилъ, чшобы уста его
 Не излили пламень на руку . . .
 И — прощай совѣтъ Яги-Бабы!
 Онъ забылъ её, весь міръ забылъ;
 Онъ чрезмѣрной жаръ любви своей
 На брегахъ рѣки забвенія (*)
 Уполяетъ прохлаждается. . . .

(*) Рѣка забвенія называлась: Леша.

Такъ, прошедши степь безвоную,
 Упомленный путешественникъ,
 При испокѣ ключевой воды
 Пьетъ спирю глотками жадными.
 Но представь-те по смущеніе,
 Есшля-бъ, прохладивъ онъ грудь
 свою,

Вдругъ увидѣлъ изъ подъ шерніа
 Змѣя лютаго, шипящаго? —
 Юный Вишязь, прохладившись,
 Въ несравненномъ былъ смущеніи.
 Онъ отскакиваетъ съ ужасомъ,
 Какъ преступникъ, совершившій зло;
 И закрывъ рукой глаза свои,
 Устремляется изъ шерема.
 Сбѣлъ на лошадь вихроносную —
 И пришпорилъ . . . но — не сбѣста
 конь.

Я не съ тѣмъ тебя привезъ сюда!

Конь сказалъ по человѣчески —

„Естьли - бѣ только молодежавой
плодѣ,

„Я донесъ бы его тысячи;

„Но одинъ цвѣшокъ, что сорвалъ
шы —

„Тяжелѣ мнѣ кремнистыхъ горѣ:

„Не могу я съ нимъ нести тебя,

„Не могу подняться выше спѣвъ,

„Теремъ эшопѣ ограждающихъ — „

Громовой ударъ не такъ разитъ,

Какъ слова коня волшебнаго :

Випязь, будшо оглашенный тѣмъ,

Онѣмѣлѣ и не подвиженѣ спалѣ.

Сколько бѣдѣ ему предсѣавилось!

Сколько чудовищъ зѣлющихъ!

Но ничто они предѣ мужесшвомѣ

И предѣ силою могучаго.

„Ахъ! я только ужасаюсь
 Царь - Дѣвицы, мщеньемъ дышащей —
 Жизнь и смерть моя въ рукахъ ея.
 послужи мнѣ Конь! дерзай на все!
 Живопомъ не дорожу своимъ;
 Я желаю только выполнишь
 Волю моего родителя:
 А цѣломъ — я отдаюсь судьбѣ.“ —
 Такъ сказалъ коню несчастный
 Князь —

Тутъ услышалъ онъ тяжелой вздохъ
 И отвѣтилъ коня чудеснаго:

„Не взыщи коль не удашься намъ“ —
 И пускается какъ молнія —
 Но сѣдокъ напрасно льстивъ себѣ;
 Не избѣженъ судьбѣ промыселъ;
 Конь вѣриве шо предчувствовалъ

Онъ съ тяжелымъ своимъ всадни-
комъ

Поднялся ужъ не попржнему —

И, копытчкомъ серебрянымъ

Чародѣйственной касается.....

Загрѣбли громы страшные;

Въ черныхъ тучахъ рѣшетъ молнія;

Вся природа взволновалася;

Всѣ стихіи взбунтовались:

Все въ смятеніи губительномъ.

Что за страшный звукъ разносится?

Что за вошь души опчаянной?

Этотъ мщеніемъ кипящая

Царь-Дѣвица въ бронѣ рыцарской

Наспигаесть вѣроломнаго —

Чтобъ разить, карать, губить его,

Чтобы душу низпослать мечемъ

Въ черной шаршарѣ однимъ зама-
хомъ —

Мигъ — доспигла! — вознесенъ
ударъ —

„Спой! — въ моемъ онъ покрови-
шельствѣ “ —

И Царевна держитъ вздѣшную.

Это голосъ былъ безсмертная,

Лады вѣчно млада-ликія —

На златомъ лазурномъ облакѣ

Славшей, между мщеньемъ дыша-
щей

И смятеннымъ, бледнымъ Выпя-
земъ —

„Наконецъ ты мной наказана,

„Горделивая красавица!

„И обѣты твои дерзкіе

„Вѣчно презирашь мой жершвен-
никъ (*)

„Далеко унесены мечшой.

„Не дерзай грозить мечемъ своимъ!

„Знай не всилахъ ужь владѣшь ты
имъ :

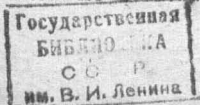
„Сердце въ томъ тебѣ порукою.

„Взоры гнѣвны, злобны, мспи-
пельны ,

(*) Царь-Дѣвица говаривала подружкамъ своимъ : всѣ мужчины неблагодарны ! они любяшь покуда мы молоды ; презирають , забываютъ насъ съ умноженіемъ лѣтъ , когда краса начнешь вянуть — но мы навсегда сохранимъ свою молодость , вкушая молодежавыя яблоки ; и , презирая вѣроломными , будемъ вѣчно ихъ ненавидишь !

„Изъ подъ шлема кои мечешь ты,
 „Не замедлишь укропить мой сынъ
 „Онъ ихъ сдѣлаешь и нѣжными
 „И любезными и шомными.“ —

Тутъ богиня улыбнулась,
 Тутъ ея словъ сущу испину
 Подтверждаетъ рѣзвой крошечка.
 Онъ украдкой изъ подъ локона
 Своей мапушки любезная,
 Со язвительной усмѣшкою,
 Царь - Дѣвицу прямо въ грудь разить,
 А преданье повѣспвуетъ намъ,
 Чтѣо малюшка, впрочемъ опытной,
 Самъ дивился своей мѣпкоспи :
 Приударивши ладоньками,
 Побожился, что онъ ошроду
 Такъ не ~~идея~~ в ... и подлинно !

Ибо гордая красавица
 Въ потѣ же мигѣ обезоружилась.
 Она пала передъ Ладюю:
 О богиня! мной разгневанна!
 Пощади, помилуй дерзкую,
 Презиравшу олтари швои!
 Нынѣ зрю швое могущество!
 Нынѣ зрю свое ничпожеспво!
 Пощади . . . помилуй . . . дерзкую —
 Здѣсь рыданіе прервало рѣчь
 Царь-дѣвицы воздыхающей.
 „Встань, Царевна, и познай меня!
 „Я чужда вражды мяшежныя;
 „Я богиня мира, крошости!
 „Не являй мнѣ взоровъ горести;
 „Да блистающѣ они радостью
 „Удовольствія душевнаго;

„А мое благоволеніе —

„О чета! мнѣ столько милая —

„Пусть на вѣки освѣтитъ васъ.

„Ты достоинъ, Князь, руки ея!

„Ты достойна его мужества!

„Обоймись, поцелуйтесь! „

Такъ рекла богиня прелестей —

И Царевна ужъ въ объятіяхъ,

И Герой въ ея объятіяхъ;

Души ихъ въ одну сливаются:

Такъ сливаются источники

Океана въ безпредѣльности.

Есшли между ихъ воспоргами

Слышны были извиненія,

То отвѣщствовано съ нѣжностью:

Позабудь — ты милъ душѣ моей.

Здѣсь богиня имѣ оставила

Игры, смѣхи и веселія;
 А сама въ черпоги райскіе
 Вознеслася съ хоромъ Геніевъ,
 Комъ пѣли пѣснь похвальную:
слава! Аадѣ, любви матери!
о лильѣ ()! богѣ милыхъ нѣжностей.*

Мы понизимъ тонъ свирѣлочки;
 Удалимъ досаду, горести;
 Спрасимъ и пылкость возмущенныхъ
 душъ —
 Мы небесъ подѣ сводомъ радост-
 нымъ,
 Въ тѣни рожицы пріятныя

(*) Лильѣ или Леля, Славенской Купи-
 донь-

Вмѣстѣ съ милыми супругами
 Спдохнемъ и успокоимся.
 Здѣсь богиня ихъ оставила
 На правѣ благоухающей
 Василѣчками, гвоздичкою
 И фіялкою смиренною;
 Здѣсь супруги, упомленные
 Возмущеньями минувшими,
 Отдыхаютъ при источникѣ;
 Здѣсь вкушаютъ радость тихую
 При согласномъ пшичекѣ пѣніи!
 Между шѣмъ, крылашы кони ихъ,
 Дружно въ близости гуляючи,
 Щиплютъ шучную и сочную
 Мураву зелено-бархашну.
 Но какое это вѣянье?
 Что за - вѣянье чудесное,
 Наподобіе Зефирнаго

Съ сладко - звучною музыкою? —

Эта добрая волшебница

Яга - Баба въ спунѣ капится,

Ударяя по закраинамъ

Гармоническимъ пѣспомъ своимъ:

Что ударъ, по Орашорія!

Что ударъ, по слышишь Гайдена(*)!

Здѣсь, приближась ко четѣ молодой,

Скрыла радостно участие

И, нахмурясь, упрекала такъ:

Вѣроломный, малодушный Князь!

Гдѣ швоя ко мнѣ обязанность?

Гдѣ почтение, долгъ къ родителю?

Да! забыла я пріятное

Слабыхъ душъ самодовольствіе!

(*) Славный музыкантъ.

Пусть кто стонетъ — я блажен-
 ствую,
 Пусть рыдаютъ — былъ бы ве-
 селъ я —
 Такъ! ты веселъ, ты блажен-
 ствуешь!

Миліоны плачутъ, сѣшуютъ;
 Миліоны съ воздыханіемъ
 Умоляютъ небожителей:
 Боги! естли между тысячами
 Сердце чисто, непорочное!
 Или всѣ мы недоспойные? —
 Ахъ! чего, чего лишаемся —
 Государя благошворнаго!
 Скоро туча всѣхъ покроетъ насъ,
 Скоро насъ рука свинцовая
 Опячитъ своей шираніей....
 Ахъ! польспимся ли надеждою?

Сынъ въ ушѣхахъ позабылъ отца!
 Можешь ли любить онъ поддан-
 ныхъ? —

Вошъ какое заключеніе
 О тебѣ Славене дѣлаюшъ!
 А ты дремлешь — пробудися Князь! —
 Не въ кремнисту скалу на морѣ
 Съ ревомъ волны бьюшъ кипяція,
 То Ягой-Бабы слова разятъ
 Князя чухъ едва дышущаго:
 Подогнулись ноги Випязя —
 Онъ упалъ, лишился чувствъ своихъ.
 Такъ качается и падаетъ
 Современный въ камъ крѣпкой дубъ,
 Бурнымъ вѣтромъ долу свержен-
 ный. . . .

Ахъ! вскричала со опчаяньемъ
 Нѣжная супруга Випязя:

Я лишаюсь друга милаго,
Друга милаго души моей! —
И ланипы ея розовы
Кроются внезапно бледностью.
Она пала подлѣ Вишязя —
Яга - Баба ужаснулася.
Упрекаетъ себя въ дерзости;
Суешился и торопился;
Ищетъ нѣчто вокругъ одеждъ своихъ;
Не находивъ и досадуясь;
Во всѣ стороны бросается;
Еще ищетъ; наконецъ нашла —
Это былъ въ алмазной скляночкѣ
Не летучій спиртъ аптекарской;
Но вода живошворящая,
Изъ колодца чудодѣйственна —
И не медливъ, окропляетъ ихъ.
Такъ росой живятся Мѣскою

Нѣжна роза, крошка лилія :
И румянецъ разливаеця
На щекахъ доселѣ мершвенныхъ,
И глаза ихъ опворяюся
Будшо послѣ сна глубокаго —
Гдѣ ты? первая ихъ рѣчь была,
Тутъ со взоромъ взоръ встрѣчаюся:
И сердца всю благость Творческу
Ощущаютъ въ бышніи своемъ —
О дражайши, дѣпи милыя!
Говорила имъ Яга-Баба:
Не вдавайшеса въ опчаянье,
Рождены вкушашъ вы радости.
Положитесь на Ягу-Бабу!
Я раскаиваюся въ слабости,
Что на спарости я лѣшъ своихъ
Такъ васъ шушкою разстроила!
Но узнала шѣмъ любовь вашу.

Будьте вѣрными супругами! —
Сей коверъ само-лѣпающій
Донесетъ въ одно мгновеніе
Васъ въ отечественну спорону.
Тамъ ты, Князь, найдешь родителя —
Умолчу — но ты спасешь его
Отъ удара смерти алчныя;
Тамъ тебя, Царевна, приметъ онъ,
Какъ родную дочь любезную;
Тамъ онъ подшвердитъ союзъ любви
Ладой между васъ устроенный —
Тамъ цѣшми вы украсишь,
И смолами Аравійскими
Окуришь въ брачномъ капищѣ — —
Такъ сказала, и объемлется
Вдохновеніемъ божественнымъ:
Устремила неподвижный взоръ;
Воздвигались ея волосы;

Потряслася всѣми членами;
 Поблѣднела, и горшань ея,
 И мускулы были движимы
 Страшной зрѣнію конвульсіей. —
 „Я зрю въ будущность,“ — рекла она
 „Гласомъ велимъ Оракула:
 „Зрю отъ Сѣвера великій дубъ,
 „Осѣняющій подсолнечну —
 „Се! спекаюшся подъ сѣнь его
 „Многочисленные жипели
 „Отъ Воспока и отъ Запада
 „И отъ знойной страны Южныя —
 „Се! цвѣтущи его вѣшвія,
 „Зеленѣя надъ народами,
 „Славу, щастіе и миръ дають.
 „Мы блаженспивуемъ — рекутъ они —
 „Подъ державою Владыкъ нашихъ,
 „Щедродушныхъ, побѣдительныхъ,

Мудрыхъ, храбрыхъ — слава! слава
имъ! —

Здѣсь умолкло прорицалище.
Князь съ супругою поверглися
Предъ богами благошворными,
И свое благодареніе
За себя и за потомковъ ихъ
Возносили къ небожителямъ.
Между шѣмъ коверъ раскинулся.
Тупъ волшебница учила ихъ
Какъ имъ править сходно съ мыслию:
„Вы на немъ въ одно мгновеніе
„Пролѣтите всю вселенную“ —
Эпо нѣжны души радуешъ.
Но безъ слезъ разлуки горестной
Не могли оставишь добрую.
Они обняли виновницу
Безпредѣльныхъ своихъ радостей —

И, съ надежнымъ покровительствомъ,
Ихъ коверъ само-лѣшающій —

Вмигъ приносишь на широкой дворъ
Къ престарелому родителю —

Князь съ супругой во дворецъ спѣ-
шащъ

Пасшь въ объятія родительски :

Но глубокое безмолвіе —

И печальны лица вспрѣчныя

На вопросы ихъ отвѣщаютъ :

„Живъ — но очень худо здрав-
ствуешь.“

Випязь съ чувствіемъ болѣзненнымъ

Вынимаетъ молодежавое :

Ахъ! не щещно-ль я сорвалъ шебя —

Тутъ слеза горяча канула —

Онъ приблизился къ родителю :

Видишь старца вѣценоснаго

При послѣднемъ издыханіи:
 И дрожащею рукой своей
 Нѣжный сынъ къ устамъ родитель-
 скимъ

Приложилъ злосное яблоко —

Вдругъ натура оживляется:

Сѣдина какъ бѣлой шаетъ сибѣ;

Русы волосы являюся

Какъ цвѣтущій черноземъ въ саду;

А чело доселѣ пасмурно,

И глаза уже попухшія,

Какъ вѣсною небо ясное,

Оживилися веселіемъ;

Всѣ младѣшъ, прераждается.

Но когда вкусилъ онъ чудный плодъ,

Въ шо-жь мгновенье съ одра смерт-

наго

Сыну бросился въ объятія...

Здѣсь роняю я свирель мою !
 Не могу воспорговѣ выразить,
 И сліянія любезныхъ душъ,
 Душъ чувствительныхъ, разпро-
 ганныхъ.

Говорятъ, что того времени
 Сочинители похвальныхъ одъ
 Нагрузили помы цѣлые
 Славными еписколами (*),
 Гдѣ воспѣшны были подвиги
 Смѣлаго Героя древности:
 Какъ въ своемъ онъ трудномъ спран-
 спвіи
 Получилъ въ награду милую

(*) Еписколама есть стихотвореніе
 на брачный случай.

Царь - Дѣвицу цѣломудренну;
 Какъ ихъ свадьба совершилася;
 Какъ двѣнадцать вѣнценосныхъ главъ
 Брали въ радости участіе,
 И двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ (*)
 Ощастливили супружествомъ;
 Какъ доволенъ былъ всякъ выбо-
 ромъ.

Даже не было упущено
 И того — что на пиру шакомъ
 Лада съ доброю Ягой-Бабой
 Веселились, забавлялись; —
 Что Герой во благоденствіи
 Храмы славные воздвигнулъ имъ
 На широкой града площади;

(*) Подружекъ Царь - Дѣвицы.

Чтѣ коверѣ само-лѣпающій
Доставлялъ изѣ царства въ царство
ихѣ.

Полю! — долженѣ бышь всему

Конецѣ.

8641-63

инв. № IV-11414

Погрѣшности.

Стран.	стр.	напечатано.	вмѣсто.
24	13	ремлящую,	дремлящую,
35	1	беззвоную	беззводную

Handwritten title or header, possibly "Handwritten" or similar, appearing as a faint, mirrored or bleed-through mark.

Faint, mirrored or bleed-through text, possibly a list or table of contents, appearing as a ghostly impression of the reverse side of the page.

A horizontal line of dark, irregular ink smudges or stains, possibly remnants of a signature or a mark.

A small, rectangular stamp or mark located in the bottom left corner, containing illegible characters or a logo.